

...КОГДА на шестой заставе па-
дает мертвым последний бо-
ец, полуживой старшина
Шебуев углем, вывалившимся из
разбитой печки, начинает писать
на стене, медленно, криво, падая и
вставая, сдерживая муку.

162 000 000
— 27

161 999 973

Потом подползает к краю и в
зал, остатком залитых кровью лег-
ких шепчет, всхлиывая:

«Проходите, дорогие... товари-
щи... мы как могли... Смерть при-
шла... Передайте... на корабль... до
конца были... (Затих). Вы не сда-
вайтесь. (Рванулся). Вставайте же...
(Упал, обессиленный и шепчет, уга-
сая). Эх... Москва... Товарищи...
родные... Последний же... решитель-
ный».

Перечитайте, перечитайте сегодня
пьесу Всеволода Вишневского «По-
следний решительный», и вы непре-
менно ощутите, что она не только
остро звучала и в дни своего рож-
дения, в тридцатом году, и затем —
в дни событий у Халхин-гола, у озе-
ра Хасан, в Отечественную войну,
особенно в первые ее месяцы, но и
не менее остро звучит сегодня, в
свете напряженнейших боевых схва-
ток между силами прогресса и ре-
акции во Вьетнаме, на Ближнем
Востоке, в других странах мира...
Устарели отдельные подробности,
некоторые реплики, но не утрачен
боевой настрой пьесы, ее патриоти-
ческий дух, ее классовая ясность и
определенность, ее социальный оп-
тимизм.

Вероятно, если бы возникла
мысль поставить «Последний реши-
тельный» сегодня и был бы жив
Вишневский, он многое в началь-
ной части пьесы, подвергнувшей
осмеянию искусство, подражающее
буржуазным образчикам, переделал
и освежил. Но даже и сейчас вос-
принимается как сегодняшний про-
тест писателя-бойца против «театра
для театра».

Главное же, что делает эту пьесу
живой, близкой и понятной сего-
дня, — это необычайная интен-
сивность социальных переживаний ее
главных героев — советских воен-
ных моряков. Для писателя не су-
ществует проблемы, что выше — по-
рядочность или дисциплина, не
ущемляет ли революционная дис-
циплина личную «свободу», гумани-
стичен или не гуманистичен акт су-
рового возмездия в отношении пре-
дателей. Для него понятия полчища
и нравственность слиты воедино и
высшим критерием нравственности
является преданность революции,
защита ее интересов. Своими обра-
зами, своими идеями драматург ак-
тивно вторгается в наши сегодняш-
ние споры вокруг многих проблем
социалистической эстетики.

И вторгается не только Вишне-
вский, но и Н. Погодин с его пьеса-
ми о первых пятилетках, и Б. Ро-
машов с «Бойцами», и А. Афиноге-
нов с «Далеком» и «Машенькой», и
В. Киришон с «Хлебом», и А. Кор-
нейчук с «Платоном Кречетом» и ко-
медией «В степях Украины», и
Л. Леонов с «Волком» и «Поло-
чанскими садами», и многие дру-
гие писатели, развивавшие в три-
дцатые и последующие годы тради-
цию социально, общественно зна-

СОВРЕМЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ

чимой драматургии, героя, живу-
щего интересами общества, героя,
для которого эти интересы, естест-
венно, стали его собственными, глу-
боко личными. Именно внутренняя
сопричастность к этой традиции и
придала значительность таким про-
изведениям драматургии последних
лет, как «Иркутская история» А. Ар-
бузова, «Ленинградский проспект»
И. Штока, «Барабанища» А. Са-
лынского, трилогия о «Стряпухе»
А. Софронова, «Твой дядя Миша»
Г. Мдивани, «Все остается людям»
С. Алешина, «Океан» А. Штейна,
«Чти отца своего» В. Лаврентьева...
И именно с отступлением от этой
традиции связаны самые существ-
ственные недостатки сегодняшней
драматургии и сегодняшнего теат-

ра. Конечно, пьесы о нашей совре-
менности, герои которых движимы
в своих поступках общественными
побуждениями и общественными
чувствами, появляются и сегодня.
Но, во-первых, их появляется край-
не мало, а, во-вторых, и те, кото-
рые появляются, не всегда находят
дорогу на сцену.

НЕДАВНО Н. Велехова высту-
пила на страницах «Литера-
турной газеты» со статьей
«Мнимое и подлинное». Можно, ви-
димое, спорить с некоторыми автор-
скими оценками тех или иных спе-
таклей. Но основные мысли статьи
представляются мне глубоко спра-
ведливыми. Да, современность и
новаторство в искусстве — дело
серьезное. И не о современности и
новаторстве говорит чаще всего
отказ актера от перевоплощения
в образ, замена его «самовывлещи-
ем», а о беспомощности в творче-
стве, о поисках наиболее легких пу-
тей на сцене. И не только отказ от
перевоплощения, но в конечном
счете (и относится это не только к
актерам, но и к драматургам, ре-
жиссерам, художникам) отказ от
образности, от задачи художествен-
но-философского постижения и
обобщения процессов жизни и вре-
мени.

Для того чтобы передать соци-
альные переживания человека, их
напряженность и интенсивность, со-
здать образ человека, в котором
глубина мысли и активность патри-
стического действия неотделимы
одно от другого, требуются от ху-
дожника и знание жизни, и зре-
лость мышления, и глубина талан-
та, и отточенность мастерства. Про-
ще, намного проще создавать впе-
чатление современности на сцене
при помощи трех-четырех гитарис-
тов, сопровождающих действие,
или хора юношей и девушек, на все
лады повторяющих за героем или
героиней их причитания и жалобы
по поводу препятствий и трудно-

стей, встречающихся на пути; пре-
тендовать на звание интеллектуаль-
ного актера, оставаясь самим собой
в ролях людей самых разных эпох,
чаще всего, характеров...

Никто не собирается отказывать
нашим драматургам ни в та-
ланте, ни в мастерстве. О другом
приходится вести сегодня речь в
связи с произведениями некоторых
писателей. О сфере, о широте сек-
тора их наблюдений. О том, что ви-
дят они в жизни, как воспринима-
ют и как оценивают те или иные
явления действительности.

Не воспринимают ли они порой
общественные, социальные чувства
людей не как их сокровенное и ес-
тественное, воспитанное всем соци-
алистическим опытом и социалисти-
ческим образом жизни, выража-
ющее самую их сущность, а как не-
что показное, ходульное? Отсюда,
вероятно, и возникает та позиция,
с которой оцениваются такими
художниками явления действитель-
ности, люди, их поступки. Позиция,
нередко вызывающая, к сожалению,
активное и резкое несогласие.

Далеко не бесполезно в связи с
такими произведениями, как «На-
значение», «Традиционный сбор»,
«Палуба», «Снимается кино»,
вспомнить, что о реальных помыс-
лах и чувствах реальных личностей
можно судить только по действиям
этих личностей, а коль скоро речь
идет об общественных помыслах и
чувствах, то по общественным
действиям личностей, социальным
фактам.

Если мы попытаемся рассмотреть
общественные помыслы и чувства и
общественные действия героев не-
которых пьес, то обнаружим их
стремление противопоставить себя
обществу, встать над ним, якобы
погрязшим в болоте косности, рав-
нодушия, невежества, пошлости.
Общество мешаает жить и творить
главному герою пьесы Э. Радзин-
ского «Снимается кино», и он, до-
веденный до отчаяния, находится с
ним в хроническом, неразрешимом
конфликте. Пошлость подступила
уже под самый подбородок лесотех-
нику Рудакову — герою пьесы Л. Зо-
рина «Палуба», и вся значитель-
ность этого человека состоит в
том, что он, неспособный ни к ка-
ким активным действиям, трезво (с
точки зрения автора) оценивает
свое положение и готов мужествен-
но встретить свою духовную, мо-
ральную гибель. В мрачном свете
взирает на нашу действительность
и Сергей Усов из розовского «Тра-
диционного сбора», утверждающий,
в полном согласии с драматургом
что не важно, что ты делаешь для
людей, а важно лишь то, что ты
просто порядочный человек.

Многим молодым героям сего-

дняшних пьес свойственна инфан-
тильность. Вспомним хотя бы пар-
ня из пьесы Е. Каплинской «Метро
— моя остановка». Отец и мать его
строили метро. Мать и сейчас не
может расстаться с ним. Тяжело-
больной, прикованный к дому, отец
живет воспоминаниями о тридцатых
годах, о своей комсомольской юно-
сти. А чем живет сын? Взорными,
глупыми мучениями по поводу того,
что он не может сказать девушке,
на которой женился, что у его ро-
дителей нет шикарной многоком-
натной квартиры, сногсшибательно-
го достатка и тому подобное. Да
ведь это же моральный урод, изж-
диренец и потребитель, суровейшее
осуждение которому автор так и не
выносит, в общем-то амнистируя
его в силу, видимо, вот этой самой
инфантильности, полнейшей духов-
ной незрелости.

Нередко, когда сегодня приводи-
тся в пример молодежи Аркадий
Гайдар, который в шестнадцать лет
полком командовал, приходится
слышать возражение: да, но ни он,
ни его сверстники столько и близко
не знают, сколько знает сегодняш-
нее молодое поколение. В общем-то
возражение это справедливо. Мож-
но пойти по этому пути и дальше
и сказать с полным на то основа-
нием, что сегодняшний самый обыч-
ный десятиклассник обладает сум-
мой знаний гораздо большей, чем
обладали в свое время многие круп-
ные ученые. Еще бы! Сколько всего
открыто и создано за последние де-
сятилетия только в нашей стране!

Важнейшим качеством, однако,
является умение, способность не ме-
ханически воспринимать идущий на
молодого человека весь грандиоз-
нейший поток информации, а глу-
боко разбираться в нем, верно, с
позиций интересов социалистиче-
ского общества оценивать те или
иные явления, стремиться к тому,
чтобы применять полученные зна-
ния на благо этого общества.

Высказывая упрек в инфантиль-
ности, я имею в виду отнюдь не на-
шу молодежь, а именно тех, кто
создает ее художественный порт-
рет. Сколько у нас молодых выда-
ющихся ученых, самоотверженных
воинов, замечательных рабочих,
строителей, колхозников! Однако
под пером иных наших драматургов
они (вспомним «Сто четыре страни-
цы про любовь» Э. Радзинского или
«Будни и праздники» А. Галича и
И. Грековой) предстают в удиви-
тельно упрощенном, обедненном ви-
де, начисто лишенными каких бы то
ни было социальных переживаний.
Претензии на интеллектуальность
еще вовсе не означают подлинной
интеллектуальности. Бывает много-
значительность истинная, а бывает
и ложная, пустая, дутая!

Говоря о социальных пережива-
ниях действующих лиц, было бы не-
верно искать их только в пьесах,
события которых происходят непо-
средственно на производстве — в
цехе, лаборатории, колхозе. Нет,
действие пьесы может разверты-
ваться в рамках одной семьи, со-
средоточиваться в основном на том,
что связано именно с жизнью этой
семьи, а чувства и поступки героев
будут обладать высоким социаль-
ным эквивалентом, окажутся обу-
словленными социалистическим ук-
ладом, нашей страны. Вспомним
«Ленинградский проспект» или «Чти
отца своего...». Казалось бы, и в
той, и в другой пьесе конфликты
самые бытовые, узко семейные. На
проверку же — нет.

В столкновении стариков Заброди-
ных и Скворцова с Семеновым Се-
меновичем в пьесе И. Штока про-
являются чистота и крепость нашей
морали, сила нашей идеологии как
морали и идеологии прежде всего
рабочего класса. Морали и идеоло-
гии, которые сформировались и
складывались на всем полувековом
пути нашего государства, в процес-
сах труда и борьбы за утверждение
социализма. И в пьесе В. Лаврентье-
ва столкновение рабочей семьи
Кичичиных с кулаком в душе Гор-
деем — проявление тех же самых
качеств и свойств, что отличают
семейство Забродных.

Около тридцати лет не сходит со
спенических подмостков афиноге-
повская «Машенька». Что же дает
жизненную силу, казалось бы, наи-
камернейшему произведению о де-
сятикласснике и старом академике?
Да как раз то, что пьеса эта вся
пропитана ощущением героического
характера нашего времени. Это
ощущение, ощущение молодости
страны, приносит в дом академика
Окамова его внука Машеньку, и
молодежь старый дом и его хозяин.
В пьесе нет прямого упоминания о
подвигах — ни о Челюскинцах, ни о
папанинцах, ни о Челюске и Громо-
ве, о Гризодубовой и Коккинаки, но
от первой до последней строчки
произведение густо насыщено атмо-
сферой тридцатых годов. Атмосфе-
рой, близкой нам и сегодня, возбуж-
дающей в нас стремление к подви-
гу, чувство оптимизма, ярчайшие
социальные переживания. Есть тра-
диции, которые стареют и постепен-
но отмирают. И есть традиции, ко-
торые вполне можно уподобить веч-
нозеленому и вечно плодоносяще-
му дереву. К таким традициям на-
шей драматургии относится и та, о
которой идет сейчас речь. Сколь ни
были бы интересны и оригинальны
(хотя они далеко не всегда именно
таковы!) поиски сегодняшних дра-
матических писателей и режиссеров
в области формы, они могут ока-
заться совершенно бесполезными и
бесплодными, если будут идти в от-
рыве от главного, что всегда давало
и дает сегодня силу нашему искус-
ству, — от выражения правды жиз-
ни (которая ни в малейшей степе-
ни не сводится к передаче одних
только негативных сторон), от пар-
тийной направленности, ее активной,
мобилизующей силы.

Этому учит опыт не одного толь-
ко минувшего, но и ряда прошлых
сезонов.

Юр. ЗУБКОВ.